

⟨...⟩ И вот в домах, мимо которых я проходил, начали звенеть стекла, и самая мостовая как будто колебалась. ⟨...⟩ Тут я обернулся от ужаса. В нескольких саженях от меня, при сумрачном свете раннего утра, скакал огромный всадник на исполинском коне, потрясая всю окрестность топотом своих тяжелых копыт. Я узнал эту фигуру по величаво поднятой голове и руке, повелительно простертой в воздухе. То был наш бронзовый Петр на своем бронзовом коне». Через Троицкий мост и Каменно-островский проспект бронзовый Петр проскакал во дворец, и поспешавший за ним Голицын видит, как император Александр (лицо его «было грустно и озабочено») быстро приблизился к «царственному всаднику». Воскликнув: «Ты соболезуешь о России!», — Петр далее произнес: «Не опасайся! ⟨...⟩ пока я стою на гранитной скале перед Невой, моему возлюбленному городу нечего страшиться. Не трогайте меня — ни один враг ко мне не прикоснется». И после этих слов Всадник удалился.

«Граф Виельгорский прибавил, что князь Голицын на ближайшем докладе у государя рассказал ему свой чудесный сон. Рассказ этот так подействовал на императора, что он приказал отменить все распоряжения к отправке из Петербурга монумента Петра Великого ⟨...⟩

Когда впоследствии пересказали этот сон Пушкину, он пришел в восторг и долго повторял: какая поэзия! какая поэзия! Он признавался графу Виельгорскому, что тогда же начал обдумывать содержание своего „Медного всадника“, и хотя потом дал поэме другую идею и обставил ее иными подробностями, но при всем том видно, что интересный сон князя Голицына послужил главным основанием повести» [8, с. 225—231]. (В газетном тексте заключительная сентенция сформулирована осторожнее: «...при всем том нельзя не видеть, что поэтический сон князя Александра Николаевича Голицына имел на нее ⟨повесть⟩ значительное влияние» [7, с. 409]).

Милюков весьма неопределенно датировал свою встречу с Виельгорским на экзамене: из контекста можно уразуметь, что дело происходило в конце 1840-х — начале 1850-х годов. Уже к моменту первой публикации рассказа (1869 г.) давно не было в живых двух главных действующих лиц: А. Н. Голицын (личный друг императора Александра I, в 1812 г. занимавший должность обер-прокурора Синода) скончался в 1844 г., а М. Ю. Виельгорский — в 1856 г. Каких-либо откликов на публикации Милюкова не последовало, а вскоре в печати появились данные, ставящие под сомнение его рассказ.

В 1873 г., через год после выхода книги Милюкова, в «Русском архиве» были опубликованы выдержки из «Старой записной книжки» П. А. Вяземского (без указания авторства), где о проекте эвакуации памятника в 1812 г. рассказывалось со слов управлявшего тогда делами Кабинета министров статс-секретаря П. С. Молчанова, которому «поручено было государем это отправление» ([9, стлб. 1026—1027]; ср. [10, с. 120; 11 с. 176]). Ни имя Голицына, ни какие-либо пророческие сновидения здесь не упоминались.

Еще через год на страницах «Русской старины» некто «М.» (М. И. Семевский?) заново изложил это предание. Его версия отличалась от предшествующей тем, что скачущего Всадника видел во сне петербургский почт-директор К. Я. Булгаков, который поведал о том А. Н. Голицыну [12, с. 733]. Не упомянув о публикациях Милюкова, автор заметки не учел и фактической справки о Молчанове, приведенной в «Русском архиве».

Наконец, в 1877 г. П. И. Бартенев обнародовал третью версию легенды (опять-таки выступая как первооткрыватель). Издатель «Русского архива» сообщал, что «мысль о „Медном всаднике“ пришла Пушкину вследствие устного рассказа, который был ему передан известным графом М. Ю. Виельгорским. В 1812 г., когда опасность вторжения грозила и Петербургу, государь Александр Павлович предполагал увезти статую